

Дмитрий Урнов
Былые дни спорта

«Большого роста, большого сердца, большой души человек» — так говорили о Конан Дойле. Мог ли такой человек не интересоваться спортом? К рослой, атлетического сложения фигуре, бойцовскому темпераменту и живой отзывчивости следует ещё добавить происхождение и профессию: англо-ирландец и врач. Конечно, сэр Артур Конан Дойл был спортсменом и, выражаясь по-современному, болельщиком спорта.

Среди писателей, соотечественников Конан Дойла, спортсменов было немало. Однажды Байрону его друг, молодой человек, сказал:

— Послушайте, за вычетом стихов, ведь я вам больше ни в чём не уступлю!

— Я лучше тебя плаваю, стреляю, фехтую и езу верхом, — отвечал поэт.

Само понятие «спорт» сформировалось, как известно, на родине Конан Дойла. Традиции физических упражнений и соревнований восходят, понятно, к античному миру, но именно англичане объединили всё это в слове «спорт». Буквально «спорт» означает забаву, развлечение, отвлечение: нечто такое, чем занимаются помимо службы, труда и дела. Некогда слово это имело более широкий смысл, чем теперь. Всё, чему предаётся человек исключительно ради удовольствия, называли спортом. Вот почему, когда Оскару Уайльду заметили, что он совсем не играет в спортивные игры на свежем воздухе, знаменитый мастер парадокса отшутился: «Нет, отчего же, я играл в домино за столиками возле парижских кафе». Название тургеневских «Записок охотника» было переведено на английский язык как «Заметки спортсмена». И это потому, что спортсмен для

англичан и есть охотник, в смысле — действующий охотно, по доброй воле.

Один русский литератор, современник Тургенева, посетивший Англию в середине прошлого века, писал: «Всякого рода охоту англичане называют спорт. Охота с собаками, с ружьём, с птицей, ловля зайца, волка, льва, слона, бабочки, ловля удочкой или неводом, багром или острогой, ловля гольца или кита, всё это спорт. Кулачный бой и скоростное плавание, борьба и плавание, состязание между рысаками, скакунами, петухами, лодками, яхтами и другими — всё это также предметы спорта (охоты)...» (Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1878, с. 467).

Душевно-добровольное отношение к чему бы то ни было изначально считалось основным признаком спорта. Сам Шекспир употребляет слово «спортивный» в смысле «забавный». Понятие «спортсмен» употреблённым впервые англичане отыскали у одного своего полузабытого писателя XVIII в., оно было образовано по аналогии с целым рядом подобных понятий, таких как «джентльмен» (человек благородства) или «споксмен» (представитель; выступающий от имени...). Стало быть, «спортсмен» — «человек удовольствий».

Неделовое назначение и положение спорта в числе других человеческих забот и занятий не только окрашивало спорт социально, но и делало его объектом острой общественной борьбы. Кто это может забавляться? И зачем? «Каждый спорт, — рассказывал тот же наш литератор об англичанах, — имеет своих известных покровителей во всех сословиях, от короля до простого арендатора, свою славу, своих героев, особенно же свои правила и, так сказать, свою науку». Относительно спортивной науки и спортивных правил в те времена, которые застал наш путешественник и о которых писал Конан Дойл (это пример-

но одни и те же времена), мы ещё поговорим, а пока остановимся на «покровителях» и «героях».

Да, неравнодушные к спорту можно считать особенностью англичан, распространявшейся у них с давних времён во всех сословиях. Но если высшие классы покровительствовали скачкам, то простой люд разве что петушиным боям. Чем верховая езда «благороднее» рыбной ловли? Однако с тех же давних пор все виды спорта делятся у англичан на «благородные» и «вульгарные». Благородные — значит дорогостоящие, доступные избранным, немногим. По преданию, один внук одного простого арендатора попробовал как-то поохотиться в соседнем лесу, после этого ему пришлось оставить родные края. Правда, в конечном счёте ему это пошло на пользу: он стал драматургом, имя его Шекспир. Но в принципе не мог человек такого происхождения, как Шекспир, заниматься спортом-охотой: ведь лес был заповедным, кому-то принадлежал. Шекспир замечательно описывал охоту, однако, за исключением того злосчастного случая, нет и преданий о том, чтобы он когда-либо ходил в лес как охотник...

Такие, как лорд Годольфин, лорд Дерби или герцог Камберлендский покровительствовали спорту. Возможно, и сами иногда совершали прогулки верхом, но уж если дело доходило до скачек, то они оставались покровителями, а в седло, как правило, садились жокеи, мастера верховой езды. То же самое, за редчайшими исключениями, происходило и в боксе. И вот что примечательно: ипподромные летописи сохранили для вечности имена лошадей и... их владельцев, но имена мастеров, тех героев, что вели борьбу на скаковой дорожке, очень часто в них отсутствуют: ведь для умелых всадников это был не спорт, не охота, а дело! Так что простой англичанин, если не был он рабочим-конюхом или наёмным кулачным бойцом, мог разве что поглазеть на состязания.

В ленинских «Тетрадах по империализму» мы находим выписки из работ английских историков, экономистов, социологов конца XIX — начала XX в., в том числе и о спорте. В. И. Ленин отметил слова одного из них: «Массам отводится роль зрителей». Таким образом, страсть всеобщая остаётся для многих, для большинства, не удовлетворённой, а только разжигаемой. В классово антагонистическом обществе спорт разделяет участь всех прямонепроизводительных видов деятельности наряду с искусством и наукой. Когда английская буржуазия, самая ранняя, наиболее «классическая» из всех буржуазий, шла к власти, она в своих интересах преследовала и искусство и спорт именно потому, что — отвлекает, мешает делу, в том числе делу социальной борьбы. Но придя к власти, заняв место прежней аристократии, буржуазия сама стала покровительствовать спорту, но именно такому, который создаёт иллюзию всеобщего увлечения и воодушевления, «от короля до простого арендатора».

Спортивная площадка — клеточка общества, в этом Конан Дойл отдавал себе полный отчёт. О спорте он взялся писать, понимая, насколько любая спортивная схватка и тем более всё, что совершается вокруг неё, отражает всеобщую «битву жизни». Он знал это в первую очередь по себе, на опыте собственной судьбы. Подобно своему великому предшественнику он имел основания не хвастая сказать, что неплохо стреляет; в своей автобиографии он с удовольствием вспоминает, как охотился на медведей и на китов. В старых справочниках мы прочтём, что к числу его спортивных увлечений относятся гольф, крикет, велосипед, но всё это он мог себе позволить уже после того, как жизненная схватка была им в основном выиграна, когда всюду уже читали его рассказы о Шерлоке Холмсе и авторский гонорар за фразу «Холмс сидел на диване» превышал жалованье учителя.

Скромный — сравнительно! — успех других своих произведений Конан Дойл даже ревновал к огромной славе Шерлока Холмса. Тем более что легендарный обитатель Бейкер-стрит существовал уже как бы сам по себе, о нём нечего было и беспокоиться, а в исторические романы, например, Конан Дойл вкладывал много старания и кропотливого труда.

«Родни Стоун», принадлежавший к любимым произведениям самого писателя, это, можно сказать, спортивно-исторический роман. Конан Дойл был прав, когда, работая над книгой, говорил, что в таком литературном роде, кажется, никто ещё не писал. У англичан вообще была довольно богатая художественно-спортивная литература, но, помимо того что она являлась не очень художественной, эта литература ограничивалась описанием интриг внутри современного спорта. Действие «Родни Стоуна» Конан Дойл отнёс в прошлое и постарался восстановить вокруг спорта атмосферу эпохи.

«То была эпоха героизма и безрассудства», — говорит в «Родни Стоуне» герой-рассказчик, современник ушедшего времени. Это начало прошлого века, когда над Англией нависла угроза наполеоновского вторжения. К героизму рассказчик относит готовность сражаться с внешним врагом, впрочем, как тот же рассказчик свидетельствует, готовность была далеко не всеобщая. Безрассудство же проявлялось во внутреннем состоянии страны. Верхом этого безрассудства в самом прямом смысле являлось клиническое безумие английского короля. Именно поэтому власть впоследствии всё-таки была передана его сыну, регенту, но так называемая «эпоха регентства» началась уже позднее, и она оказалась временем не меньшего, если не ещё большего безрассудства, что вполне можно предположить по тому, как в «Родни Стоуне» изображён будущий регент Джордж, принц Уэльский. Основой же внутренних неуря-

диц была глубочайшая перестройка — экономическая и социальная.

В конце XVIII в. в Англии совершилась промышленная революция. Она обогатила одних и обездолила других. Причём в число обездоленных попадала, хотя бы отчасти, и старая аристократия, не способная к новым условиям приспособиться. Во всяком случае, аристократии пришлось потесниться для того, чтобы дать место аристократии новой, промышленной, торговой — буржуазной. В своих притязаниях на «силу и славу», по выражению Байрона, буржуазия, однако, не хотела зайти так далеко, чтобы социально-экономические сдвиги перешли в подлинно демократический переворот. То, что у Конан Дойла называется «безрассудством», представляло собой по существу сложную тяжбу между старыми и новыми «хозяевами жизни» за ведущую роль. Тяжба оказалась умопомрачительно запутанной, поскольку буржуазия рвалась вперёд и пятилась одновременно, старая аристократия в свою очередь хотела поспеть за ходом перемен и не сдать своих прежних позиций.

Для своего исторического повествования Конан Дойл выбрал такую эпоху, которая по отношению к его собственному времени была достаточно отдалённой и достаточно близкой, находилась на расстоянии двух-трёх поколений. Прадеды, деды, а подчас и отцы многих современников Конан Дойла именно в ту эпоху либо вышли в люди, либо, напротив, пережили упадок.

Таким образом, и себе и другим Конан Дойл давал уроки истории, и не вообще, а вполне конкретно — личной предыстории едва ли не каждого, кто вздумает прочесть его книгу. Ибо и не попавшие «через парадную дверь» в историю праотцы читателей Конан Дойла принадлежали тому же времени. Даже если взять только сферу спорта: деды одних покровительствовали боксу, деды других вы-

ходили драться на кулаках, чьи-то праотцы составляли возбуждённую толпу вокруг ринга, а чьи-то, держась в стороне, возмущённо говорили: «Какой же это спорт... Безобразие!»

На страницах «Родни Стоуна» выведено или хотя бы упомянуто немало исторических лиц, в том числе, конечно, боксёров. Главные бойцы кузнец ГARRисон, прозванный Чемпионом, и его племянник Джим — фигуры, кажется, вымышленные, но окружают их реальные звёзды ринга того времени: Джексон, Мендоса и многие другие.

Теперь поговорим и о правилах. Читая своим современникам устами Родни Стоуна назидания, Конан Дойл восхищается рыцарством былых бойцов и говорит, что всё тогда «было по правилам». Беда, однако, в том, что правил практически не было. Вот Родни Стоун вспоминает вечный спор: честно ли Джексон выиграл в своё время у Мендосы? В сущности, спор неразрешимый, на этот вопрос невозможно ответить. Джексон схватил Мендосу за длинные волосы и колошматил его что есть сил, от души. И никто не мог сказать: можно хватать за волосы или нельзя? По правилам это или не по правилам? Пункт этот долго оставался невыясненным, и боксёры решили его практически: стали стричься коротко, после чего к шутливому прозвищу боксёров тех времён «братство сломанных носов» прибавили «...и коротких волос».

Конан Дойл писал свой роман в ту пору, когда, по его словам, нравы бокса пришли в упадок. Он и хотел преподать урок подлинного бойцовского рыцарства, героизма. Разумеется, было и рыцарство, и особое мастерство, но всё ж таки ногами в конце прошлого века на ринге уже не орудовали, а в начале века — случалось, хотя Конан Дойл об этом не упоминает. Воздавая хвалу старым боксёрским временам и нравам, Конан Дойл создаёт одну типичную aberrацию во взгляде на прошлое. Он говорит, будто бы

прежние нравы пришли в упадок, пусть свирепые, но, как ему кажется, по-своему справедливые нравы. Нет, процесс развивался иначе. Прежние нравы не в упадок пришли, а, скорее, дошли во всей своей свирепости до позднейших времён, и то, что некогда выглядело свирепым, однако справедливым, оказалось просто свирепым. Реальная же беда новейшего бокса в буржуазном обществе, которому Конан Дойл хотел преподать исторический урок, заключалась в его беспощадной коммерциализации, когда деньги дерутся.

По теме и материалу к роману «Родни Стоун» примыкают столь же боксёрские новеллы «Хозяин Фолкэнбриджа» и «Задира из Броукас-Корта». Два других рассказа — охотничьи: «Лисий король» и «Как бригадир убил лису», причём этот рассказ взят из целого цикла «Подвиги и похождения бригадира Жерара», который в целом далеко выходит за сферу спорта.

Обращаясь к спорту, Конан Дойл, конечно, не мог обойтись без участия Шерлока Холмса. Одно из дел, порученных жителю Бейкер-стрит, связано со скачками («Серебряный»), увлечением для англичан, как мы уже знаем, традиционным и столь же традиционно отличающимся как своеобразным рыцарством, так и безрассудством, ибо и тут деньги скачут.

Наряду с жестокой подоплёкой буржуазного спорта, которую вольно и невольно показывает Конан Дойл, он даёт и выразительные картины спортивных схваток, насыщает повествование множеством интереснейших подробностей, одним словом, даёт живые страницы истории различных видов спорта, тех, что привлекают сердца множества болельщиков и сегодня.